

ОБРАЗ
ГЕРОЯ—
ОБРАЗ
ВРЕМЕНИ

ния. Счастливые концы всех романов ознаменованы водворением героев в родовые поместья. Когда Брамбл путешествует по горной Шотландии, огромное впечатление на него производят прочность и социальная организация кланов, сплоченность которых он относит за счет патриархальных связей.

Творчество Смоллета, явилось во многом переломным этапом в развитии английской просветительской литературы. Оно отразило ее движение к освоению более сложных форм в отношениях человека и общества и созданию более многоплановых образов. По отношению к предшественникам Смоллет дал неоднозначный ответ на вопрос о природе человека, поставив ее в зависимость от господствующих тенденций общественной жизни.

¹ Цит. по кн.: Писатели Англии о литературе. М., 1981, с. 82.

² The Letters of Tobias Smollett. Oxford, 1970, p. 112.

³ Смоллет Т. Приключения Родрика Рэндона. М., 1949, с. 142.

⁴ Смоллет Т. Приключения Перигрина Пикля. М., 1955, с. 345.

⁵ The Letters of Tobias Smollett, p. 8.

⁶ Smollett T. Sir Launcelot Greaves. L., 1973, p. 12.

⁷ Ibid., p. 204.

⁸ Смоллет Т. Путешествие Хамфри Клинкера. М., 1972, с. 28.

⁹ Там же, с. 30.

¹⁰ Там же, с. 50.

М. Г. СОКОЛЯНСКИЙ

Одесский университет

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ Л. СТЕРНА «ЖИЗНЬ И МНЕНИЯ ТРИСТРАМА ШЕНДИ, ДЖЕНТЛЬМЕНА»

Проблема, вынесенная в заголовок статьи, может, на первый взгляд, показаться надуманной. О каком времени (как объекте изображения) в ошеломившем современников первом романе Л. Стерна может идти речь? Разве не противостоит эта более чем странная книга романам Дефо, Ричардсона, Филдинга, молодого Смоллета — романам, в которых непосредственно «отразился век»? Не от этого ли произведения пошли далеко идущая традиция делать предметом непосредственного изображения в литературе не объективную реальность, а сложный процесс творческих поисков художника?

За «Тристрамом Шенди» закрепились репутация «романа о романе», «романа о том, как пишется роман», наконец, «романа о твор-

ческом воображении»². Внутренний мир первого романа Стерна представляется многим исследователям «замкнутым»³, «миром с радиусом в четыре мили»⁴. Реальное время присутствует в этом мире, казалось бы, лишь постольку, поскольку Вальтер Шенди по первым воскресеньям каждого месяца заводит часы.

Безразличие к реальному, историческому времени подчеркивается на многих страницах «Тристрама Шенди». К примеру, в девятнадцатой главе восьмого тома капрал Трим, пытаясь рассказать историю о короле богемском и семи его замках, хочет ее датировать, но наталкивается на безразличие своего хозяина к точным датам:

«... — Это было с позволения вашей милости, незадолго до того, как перевелись на земле великаны; — но в каком году от рождения Христова?..

— Я бы и полпенса не дал за то, чтобы это узнать, — сказал дядя Тоби.

— Все-таки, с позволения вашей милости, история от этого как-то выигрывает.

— Ведь это твоя история, Трим, так и украшай ее по твоему вкусу; а год возьми любой, — продолжал дядя Тоби...»⁵

Однако внимательное прочтение романа заставляет убедиться в том, что нарочитое пренебрежение хронологией (равно как и пародийное осмеяние⁶ традиции соблюдения хронологии) носят скорее показной характер, так как являются данью литературной полемике.

«...Хотя Стерн так резко насмехается над принципом хронологической последовательности в художественной прозе, — пишет А. Мендипов, — он удивляет нас аккуратностью во всем, что касается дат...»⁷. Действительно, прозаик — пусть с пародийным заданием — сообщает нам точную дату зачатия Тристрама («в ночь с первого воскресенья на первый понедельник марта, лета господня 1718»⁸), дату его рождения (5 ноября 1718 г.), точное число лет, потраченных на ученье, год его поездки в Данию (1741) и т. д. и т. п. Датируются не только этапы жизни героя, но и, казалось бы, второстепенные события: прегрешение тетушки Дины с кучером (1699), заключение брата Трима в тюрьму инквизицией (1704), смерть Лефевра (1706), женитьба Обадии (1712), рождение его первенца (1713), появление коров в «потешных» сооружениях дяди Тоби (1718) и прочие инциденты в таком же роде. Обилие дат не позволяет читателю полностью абстрагироваться от времени того мира, что находится вне Шенди-Холла — от времени исторического.

Исследователями давно установлено, что в точные исторические рамки укладываются все события, описанные или упомянутые в анализируемом романе Стерна⁹: от осады Намюра весной 1695 г. до 12 августа 1766 г. — самой поздней временной точки в жизни зрелого

Тристрама, Тристрама-повествователя. Впрочем, первую границу нельзя считать абсолютно точной, если речь идет обо всех персонажах романа и тем более — об их предках. Так, читатель узнает из третьего тома, что двоюродный дед Тристрама мистер Гаммонд Шенди был причастен к заговору герцога Монмута — реальному событию английской истории, происшедшему в 1685 г. В других местах романа вспоминаются осада Лимерика (1690 г.), в которой принимали участие дядюшка Тоби и капрал Трим, и имевшее место 29 июля 1693 г. — «за два года до дела под Намюром»¹⁰ — сражение при Ландене, в ходе которого Трим получил мушкетную пулю в колено, что сделало его непригодным для дальнейшей военной службы.

В упоминаемые по традиции рамки попадает также целый ряд исторических дат и событий, непосредственно не связанных с жизнью семейства Шенди и их круга, но в той или иной связи указанных Стерном. Это, например, год разрушения Дюнкерка (1713) или, допустим, бой под Виннендалем (1708 г.) — не очень значительный момент в ходе войны за испанское наследство. Наряду с такими веками, объяснение которым можно найти в книгах по европейской истории, в романе много дат, связанных исключительно с личной историей действующих лиц. Так, к примеру, разрушение Дюнкерка ставится в один ряд с «окончанием дядиной кампании восемнадцатого года»¹¹. Читатель легко догадывается, о какой кампании идет речь, — о той игре в войну, которую затевают Тоби Шенди и его слуга Трим.

Выстроенные однолинейно, эти разнородные события и даты можно при аналитическом рассмотрении романа перестроить в два ряда. Один ряд, составленный из общезвестных исторических моментов, можно условно назвать внешнеисторическим, в отличие от другого ряда — назовем его внутренним или шендианским — составленного исключительно из вех жизни героев романа. В связи с такой перестройкой неизбежно возникает вопрос о характере связей между этими рядами, о том, как они соотносятся в романе Стерна.

Как показал опыт изучения «Тристрама Шенди», трудно уберечься от крайностей, отвечая на этот вопрос. Так, К. Рикс с полной уверенностью пишет, что время войн с Францией (1689—1697 гг. и 1702—1713 гг.), живо обсуждаемых дядей Тоби, и является основным временем, организующим художественную целостность романа¹². Более популярна другая точка зрения, исходящая из уже упоминавшейся концепции «замкнутости» шендианского мира, над которым историческое время якобы невластно. Думается, что оба этих взгляда являются крайностями, порожденными игнорированием разнородности тех событий, которые преподносятся в романе если не в описаниях, то хотя бы в многочисленных ассоциациях¹³.

А. Менделов, выделяющий в книге Стерна «хронологическое» и

«психологическое» время, пишет о событиях внутреннего или шендианского ряда: «Многие из этих происшествий, особенно те, что связаны с дядей Тоби, могут быть выверены по историческим событиям...»¹⁴. Это утверждение в значительной мере справедливо, хотя нельзя не признать, что Стерн далеко не всегда «выверяет» таким образом историческую хронологию фабульных элементов.

Между внешнеисторическим и шендианским рядами событий в романе складывается весьма нестандартное соотношение. Они отнюдь не взаимно однозначны, и объясняется это обстоятельство не только большей репрезентативностью шендианского ряда событий в произведении.

Многие элементы биографии Тристрама или дядюшки Тоби, действительно, могут быть выверены исторически, но может это сделать не кто иной, как читатель. Писатель же скорее склонен вести обратную сверку: выверять датировку исторических событий по сообщенным или обсуждавшимся ранее моментам биографии персонажей.

Так, например, приступая в шестой главе шестого тома к изложению истории Лефевра, Стерн пишет: «Однажды, летом того года, когда союзники взяли Дендермонд, то есть лет за семь до переезда отца в деревню, — и спустя почти столько же лет после того, как дядя Тоби с Тримом тайком убежали из городского дома моего отца в Лондоне, чтобы начать одну из превосходнейших осад одного из превосходнейших укрепленных городов Европы...»¹⁵. Тем самым делается допущение, что читатель может и не знать того реально-исторического факта, что Дендермонд был взят союзниками в 1706 г., но уж год переезда Вальтера Шенди в деревню ему прекрасно известен (из предыдущих томов), и от этой даты читатель может вести отчет.

Примеров такого рода обратного отсчета в романе Стерна можно отыскать множество. Причины описанного явления коренятся в самом методе Стерна. Внутренний мир героев интересует писателя значительно больше, чем проблемы мировой истории; «конек» человека — будь то философствования Вальтера Шенди или фортификационные работы его брата — представляет для романиста первостепенный интерес. В мире, созданном пером Стерна, важна не война за испанское наследство, а та война, в которую играют дядюшка Тоби и капрал Трим. Именно по этим камерным, сугубо личным, подчас забавным случаям выверяется романистом время собственно исторических событий. Что же касается читателя, то он способен осмыслить и обратную связь этих событийных рядов, вписывая тем самым поразительно нестандартную жизнь Шенди-Холла в рамки исторического времени.

Кроме конкретных событий и дат, в романе вспоминается множество имен и названий, принадлежащих времени Стерна. Много раз фигурирует в романе имя Джона Локка, с философией которого генетически связаны разные направления в английской просветительской мыс-

ли. Несколько раз вспоминается знаменитый актер Дэвид Гаррик — друг Л. Стерна: «дорогой друг Гаррик» — обращается к нему повествователь в двадцать девятой главе шестого тома. Дважды упомянут художник Джошуа Рейнольдс, написавший, как известно, портрет Стерна. В девятой главе второго тома автор ссылается на трактат У. Хогарта «Анализ красоты» и советует своему читателю прочесть это сочинение. В первом томе встречаем имена Кандида и Кунигунды — героев философской повести Вольтера, появившейся лишь в 1759 г., т. е. в ту пору, когда Стерн работал над первым томом «Тристрама Шенди»¹⁶.

Чрезвычайно любопытна содержащаяся в четвертом томе насмешка над Семюэлом Джонсоном («то отверстие на футаториевых штанах, для которого, к стыду нашего грубоватого языка, нет ни одного целомудренного слова во всем словаре Джонсона»¹⁷), явившаяся контрвыпадом против знаменитого ученого, весьма нелестно отзывавшегося о языке первых томов стерновского романа.

Упоминаются в романе и другие имена реально существовавших в то время людей, будь то врач Р. Маннингем или книгоиздатель Дж. Додсли, доктор Дж. Маккензи, чья книга «История здоровья» вышла в свет в 1758 г., или актер Л. Риккони, математик И. Бернулли или один из основателей методизма Дж. Уитфилд. В девятом томе в ироническом контексте вспоминается труд Глостерского епископа У. Уорбертона, с которым Стерн был знаком; в семнадцатой главе того же тома встречаем мы имя Жан-Жака Руссо, который в 1766—1767 гг. жил в Англии, пользуясь некоторое время покровительством друга Стерна философа Д. Юма. Упоминание всех этих имен несет указания на эпоху — на время зрелого Тристрама Шенди и его создателя.

«...Ища в творчестве Стерна прежде всего признаки *сентименталистского* новаторства, — замечает А. А. Елистратова, — мы зачастую слишком поспешно отвлекаемся от вольнодумной реалистической просветительской сатиры, которая играет столь важную роль в «Тристраме Шенди»¹⁸. Действительно, «дух времени» обнаруживает себя в просветительно-сатирической направленности романа Стерна.

Просветительский критицизм дает себя знать и в рассыпанных по роману рассуждениях об искусстве, в тонких насмешках над невежеством. Совершенно очевидно, что Стерна заботит положение писателя в современном ему мире — положение часто незавидное, что было известно романисту из собственного опыта. Трудно оспаривать утверждение большого знатока творчества Стерна И. Е. Верцмана: «Герои романа Стерна не знают жестоких законов борьбы за существование...»¹⁹. Но если «заглянуть» за хронологические рамки событий, связанных с игрой дяди Томи в войну или с рождением заглавного героя, то можно заметить, что суровые законы жизни хорошо известны зрелому Тристраму и его создателю, с уст которого в восьмом томе срывается признание

в бедственном положении: «Разве не довольно тебе того, что ты кругом в долгах, что десять возов твоего пятого и шестого тома до сих пор еще — до сих пор не распроданы и что ты истощил почти все свое остроумие, придумывая, как их сбыть с рук?»²⁰.

Но это бедственное, едва ли не трагическое (учитывая болезнь) положение автора в мире далеко не столь идиллическом, как Шенди-Холл, не мешает ему так же едко посмеяться над кардиналом, мочившимся, «как простой певчий». И это не только комическая реакция на смехотворную позу, и отнюдь не проявление нетерпимости англиканского пастора к католическому кардиналу. Достаточно вспомнить включенное в седьмой том небольшое «сентиментальное путешествие» по континентальной Европе с язвительными намеками на запретительные акции католической церкви, с упоминанием об иезуитской коллегии и т. п., чтобы понять, что человек своего, вольнодумного века, Стерн, воспринимает религиозный фанатизм как явление анахроничное, эмблемами которого могут быть часы Базельского собора или безымянный кардинал.

Социально-критический взгляд Стерна распространяется не только на континентальные страны. Очень красноречивы, например, замечания о «нашем правительстве», которое «вертелось на своих петлях» (двадцать вторая глава второго тома) или намек в первой главе восьмого тома на «некоторые другие хорошо мне известные страны», где можно сажать капусту «хладнокровно, осмотрительно и канонически» (многозначная метафора!). К родине Стерна и его героя относится, несомненно, и такое, не требующее комментариев, замечание: «...Я бы только желал, чтобы эпоха моего зачатия... была немного иной». Не время зачатия, а именно эпоха!²¹

Социальный критицизм автора «Жизни и мнений Тристрама Шенди» скрывается часто под маской иронии. В двенадцатой главе третьего тома Стерн прибегает к перифрастическому указанию на Англию — «в этой нашей стране свободы», и перифраз этот, безусловно, ироничен²². Диапазон объектов иронии в «Тристраме Шенди» необычайно широк. Сюда попадает даже само просвещение (learning) — род деятельности, высоко ценимый во времена Стерна. Что же касается автора «Тристрама Шенди», то он, иронизируя над суесловием по поводу и вокруг просвещения, доводит важную идею до абсурда в сугубо полемических целях. Увидеть здесь (в двадцать первой главе первого тома) насмешку над знанием и его распространением значит не заметить «тоальной» иронии романиста. Если Тристрам Шенди ироничен по отношению ко всему миру, то Стерн ироничен и по отношению к Тристраму²³. Ироническое переосмысление мира, пропущенного через сознание героя, — еще один канал, по которому современный автору мир проникал в его причудливую книгу.

Отталкиваясь от метода своих непосредственных предшественников (и прежде всего Филдинга), Стерн не только не называет свою книгу «Историей», но и крайне редко для романиста прибегает к этому слову. Но тем более интересны случаи использования слова «история».

«...Скажу вам, что это за книга, — рекомендует автор в начале второго тома свое сочинение читателю. — Это история. — История! Чья? Чего? Откуда? С каких пор? Не горячитесь. — Книга эта, сэр, посвящена истории (и за одно это ее можно порекомендовать каждому) того, что происходит в человеческом уме...»²¹. Признание довольно откровенное: происходящая за пределами человеческого сознания история как будто бы абсолютно безразлична Стерну. Но это безразличие мнимое.

В других томах автор сетует на то, что историограф не может «погонять свою историю, как погонщик погоняет своего мула», шутит по поводу неправомерности пользования метафорами в истории, всякий раз невольно обнаруживая свое отнюдь не равнодушное отношение к истории, не укладывающейся в рамки индивидуального сознания или в границы Шенди-Холла.

Отнюдь не каждое событие в жизни героев может быть точно «прописано» в истории. Более того, Стерн оказывается противником примитивной историчности и не прочь посмеяться над ней. Так, в первом томе писатель помещает вымышленную докладную записку докторов Сорбонны, приведя даже «точную» дату их собрания — 10 апреля 1733 г. О дяде Тоби сказано, что он заметил косые зигзаги апрошей на кафтане брата в 1718 г. Но подобные пародийные акценты не отменяют тех отношений между шендианскими событиями и объективно-исторической реальностью, о которых шла речь выше.

Связь Шенди-Холла и его далеких, казалось бы, от Англии середины XVIII в. обитателей с реальным миром не могла укрыться даже от самых неискушенных читателей. Одна из таких любительниц литературы некая миссис Ф. даже спрашивала в своем письме, «одиноким ли человек Тристрам Шенди»²⁵. В том, что наивная читательница поверила в реальность Тристрама-повествователя, идентифицировав в своем восприятии рассказчика и автора, виновато не только ее воображение, но и, конечно же, Стерн, заставивший поверить в реальность зрелого Тристрама как современника своих читателей.

Приведем другой пример читательской реакции на книгу Стерна. Протеже лорда Монтегью бывший раб, негр Игнациус Санчо, попросивший Стерна высказать публично его отношение к рабству, впоследствии написал романисту письмо, в котором благодарил его за осуждение раб-

ства в одной из проповедей и с восторгом отзывался о персонажах «Тристрама Шенди» — дядюшке Тоби и Тримере²⁶. Не желая того, корреспондент Стерна указал на тонкую, сложную, но тем не менее существующую связь между добротой стерновских «чудаков» и гуманистической позицией их создателя в одном из животрепещущих вопросов своего времени.

Автор «Жизни и мнений Тристрама Шенди, джентельмена» был, быть может, одним из первых писателей нового времени, доказавших невозможность в истинно художественном произведении полнейшей изоляции камерного мирка героев от социального макромира. Обратив свой взгляд главным образом на мир человеческого сознания, Стерн тем самым вел «борьбу за многосторонний показ человека»²⁷, и в этой борьбе он, как бы играя взаимосвязями вымысла и реальности, очень тонко и неизойливо обнаруживал в мире Шенди-Холла, в истории жизни своих необычных героев, наконец, в их сознании черты реального, исторического времени.

¹ Этой мыслью автор обязан беседам с А. В. Карельским об историко-литературном процессе.

² Preston John. *The Created Self*. London, 1970, p. 134.

³ Traugott John. Introduction. — In: Laurence Sterne. *XXth-century Views*. N. Y., 1968, p. 3.

⁴ Piper W. B. Laurence Sterne. — N. Y., 1965, p. 88—89.

⁵ Стерн Лоренс. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентельмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 1968, с. 469.

⁶ О пародийности романа Стерна см.: Шкловский В. «Тристрам Шенди» Стерна и теория романа. Петроград, 1921.

⁷ Mendilow A. A. Time and the Novel. London, 1952, p. 161.

⁸ Стерн Л. Указ. соч., с. 29.

⁹ См. Booth Wayne C. *The Rhetoric of Fiction*. Chicago — London, 1975, p. 223.

¹⁰ Стерн Л. Указ. соч., с. 98.

¹¹ Там же, с. 191—192.

¹² Ricks Christopher. Notes. — In: L. Sterne. *The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman*. Penguin Books, 1970, p. 622.

¹³ О разновидностях ассоциаций в «Тристраме Шенди» см. в нашей статье: «The Rhythmical Pattern of «Tristram Shandy» («Durham University Journal», 1980, vol. LXXIII, № 1, p. 23—27).

¹⁴ Mendilow A. A. Op. cit., p. 162.

¹⁵ Стерн Л. Указ. соч., с. 351.

¹⁶ См. подробнее: Rawson C. J. «Tristram Shandy» and «Candide». — Notes and Queries, 1958, vol. CCI, N 5.

¹⁷ Стерн Л. Указ. соч., с. 275.

¹⁸ Елистратова А. А. Английский роман эпохи Просвещения. М., 1966, с. 335.

¹⁹ Верцман И. Е. Лоренс Стерн. — В кн.: Из истории английского реализма. М., 1941, с. 150.

²⁰ Стерн Л. Указ. соч., с. 455.

²¹ В оригинале — «era of my begetting».

²² Автор русского перевода А. А. Франковский, тонко почувствовав проничность, даже позволил себе вольность, передав словосочетание «this land of liberty of ours» как — «наша хваленая страна свободы».

²³ См. Bradbury Malcolm. The Comic Novel in Sterne and Fielding. — In: The Winged Skull. Papers from L. Sterne bicentenary conference. London, 1971, p. 128—129.

²⁴ Стерн Л. Указ. соч., с. 91.

²⁵ Ответ Стерна на это письмо см. например, в кн.: Sterne Laurence. Selected Prose and Letters. Moscow, 1981, vol. 2, p. 618—621.

²⁶ См. Полторацкий А. И. Комментарии. — В кн.: Sterne Laurence. Op. cit., vol. 2, p. 956.

²⁷ Тронская М. Л. Романы Л. Стерна. — В кн.: Литература и эстетика. Л., 1960, с. 33.

М. В. ЧЕЧЕТКО

Уральский педагогический институт

«БЕЗ ГЕРОЯ»

(к вопросу о романе Джейн Остен
«Мэнсфилд парк» и проблеме героя
в ее творчестве)

Роман Джейн Остен «Мэнсфилд парк» завоевал в англо-американской критике репутацию «загадочного» произведения. Ни один из романов писательницы не подвергался столь разноречивой оценке и не получал столь противоположных толкований. Еще в период работы над «Мэнсфилд парком» Остен писала, что намеревается представить в нем «полное изменение темы»¹ и высказывала сомнения в том, будет ли он понят читателем. После выхода романа в 1814 г. критика обошла его молчанием. Одобрительные отзывы исходили от тех, кто воспринял его как осуждение вольномыслия и защиту смирения.

Зато в XX в. роман стал объектом острой полемики. Значительная группа исследователей видит в нем отступление Остен от прежнего, критического, взгляда на современное ей общество и защиту узкоконсервативных идеалов². Их оппоненты усматривают в романе обращение к традициям моралистской прозы в духе С. Джонсона. Согласно этой трактовке, носителями высоких нравственных качеств выступают Фанни Прайс и Эдмунд Бертрам, в некоторых работах — и сэр Томас Бертрам, а порочные последствия дурного воспитания осуждаются в лице Кроуфордов и детей сэра Томаса³. Сторонники той и другой точек